

За полвѣка ¹⁾.

Какую же вся эта интенсивная жизнь тогдашняго центра русскаго движенія вызвала во мнѣ—посвятившемъ себя безповоротно писательскому поприщу — дальнѣйшую „эволюцію“?

Драматическимъ писателемъ я уже пріѣхалъ въ Петербургъ и, въ первый же годъ, сдѣлался фельетонистомъ. Но я не приступалъ—до конца 1861 года—ни къ какой серьезной работѣ, въ повѣствовательномъ родѣ.

Въ Казани и Дерптѣ я попробовалъ себя, какъ авторъ рассказовъ. Въ Дерптѣ, въ нашей русской корпораціи, мой юмористическій рассказъ „Званные блины“ произвелъ даже сенсацію; но доказательствомъ, что я себя не возомнилъ тогда же беллетристомъ—является то, что я цѣлыхъ три года не написалъ ни одной строки, и первый мой, болѣе серьезный опытъ, была комедія, въ 1858 г. Тогда драматическая форма привлекала меня настолько сильно, что я, съ того времени, сталъ мечтать о литературномъ „призваніи“, и литература одолѣла чистую науку, которой я считалъ себя, до того, преданнымъ.

Какой контрастъ съ тѣмъ, что мы видимъ (въ послѣднія 20 лѣтъ, въ особенности) въ карьерѣ нашихъ беллетристовъ. Всѣ они начинаютъ съ рассказовъ, и одними рассказами создаютъ себѣ громкое имя. Такъ было съ Глѣбомъ Успенскимъ, а въ особенности съ Че-

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1913 г.

ховымъ, съ Горькимъ и съ авторами слѣдующихъ поколѣній: Андреевымъ, Купринымъ, Арцыбашевымъ.

А тутъ вотъ что вышло съ молодымъ писателемъ, послѣ одного столичнаго сезона:

Въ немъ „спонтанно“ (выражаясь научно-философскимъ терминомъ) зародилась мысль написать большой романъ, гдѣ бы была рассказана исторія этического и умственнаго развитія русскаго юноши,—съ годовъ гимназіи, и проведя его черезъ два университета — одинъ чисто русскій, другой съ нѣмецкимъ языкомъ и культурой.

И вотъ онъ беретъ десть бумаги, и на первомъ листѣ пишетъ:

„Въ путь-дорогу“!
„Романъ въ шести книгахъ“.

Почему въ шести? Потому, что на каждый періодъ: гимназія—Казань—Дерптъ—надо было дать, по крайней мѣрѣ, около двадцати печатныхъ листовъ.

Такой замыселъ смутилъ бы теперь даже и начинающаго. Романъ въ шестьдесятъ печатныхъ листовъ! И съ надеждой, почти съ увѣренностью, что я его доведу до конца, что его непременно напечатаютъ.

Тогда это не было такъ фантастично. Журналы любили печатать большіе романы, и публика ихъ всегда ждала.

Но все-таки замыселъ былъ смѣлый, до дерзости. И въ тѣ мѣсяцы (съ января 1861 года до осени) я не попробовалъ себя ни въ одномъ, хотя бы маленькомъ рассказѣ — даже въ фельетонномъ жанрѣ; ни въ „Библиотекѣ“, ни у П. И. Вейнберга, въ „Вѣкѣ“.

И такая большущая „махинища“ была дѣйствительно „пробой пера“ начинающаго романиста.

Въ рассказахъ я попалъ уже гораздо позднѣе (первые мои рассказы были: „Фараончики“ и „Посестріе“—1866 и 1871 гг., и написалъ, за тридцать лѣтъ, до ста и болѣе рассказовъ. Но это уже было послѣ продолжительныхъ работъ, послѣ большихъ и даже очень большихъ вещей.

Въ тогдашней литературѣ романовъ не было ни одной вещи въ такомъ точно родѣ. Ея замыселъ я могъ считать совершенно самобытнымъ. Никому я не подражалъ. Теперь я бы не затруднился сознаться въ этомъ. Не помню, чтобы прототицъ такой „исторіи развитія“ молодого человѣка, ищущаго высшей культуры, т. е. „Ученическіе годы Вильгельма Мейстера“ — Гёте носился предо мною.

Въ Дерптѣ я больше любилъ Шиллера и романистомъ Гёте за-

интересовался уже десятки лѣтъ спустя, особенно, когда готовилъ свою книгу „Европейскій романъ въ XIX столѣтїи“.

Конечно, я и тогда имѣлъ понятїе о Вильгельмѣ Мейстерѣ, но—повторяю—этотъ прототипъ не носился передо мною.

Здѣсь будетъ кстати задать вопросъ первой важности: чье вліяніе всего больше отліяло на мнѣ, какъ писателѣ, по содержанию, тону, настроенію, языку?

Въ нашей критикѣ вопросъ этотъ вообще, до сихъ поръ, недостаточно обработанъ, и только въ самое послѣднее время, въ этюдахъ по исторїи нашей словесности, начали появляться болѣе точныя изслѣдованія на эту тему.

Меня самого — на протяженіи цѣлыхъ сорока слишкомъ лѣтъ моей работы романиста—интересовалъ вопросъ: кто изъ иностранныхъ и русскихъ писателей всего больше повліялъ на меня, какъ на писателя въ повѣствовательной формѣ; а романистъ, съ годами, отставилъ во мнѣ драматурга на второй планъ. Для сцены я переставалъ писать по долгу, начиная съ конца 60-хъ годовъ, вплоть до 80-хъ.

Въ моихъ „Итогахъ писателя“, гдѣ находится моя авторская исповѣдь (они появятся послѣ меня), я останавливаюсь на этомъ подробнѣе, но и здѣсь не могу не подвести такихъ же итоговъ по этому вопросу, важнѣйшему въ исторїи развитія всякаго самобытнаго писателя: чистый ли онъ художникъ, или романистъ съ общественными тенденціями.

Всего лишь одинъ разъ во все мое писательство (уже къ началу XX вѣка) обратился ко мнѣ, съ вопросными пунктами изъ Парижа, извѣстный переводчикъ съ русскаго, Гальперинъ-Каминскій. Онъ тогда задумывалъ большой этюдъ (по поводу пятидесяти лѣтней годовщины по смерти Гоголя), гдѣ хотѣлъ критически обозрѣть всѣ главные этапы русской художественной прозы, языка, мастерства формы—отъ Гоголя и до Чехова—включительно.

На вопросъ: кого, изъ молодыхъ, считаю я беллетристомъ, у котораго чувствуется въ манерѣ письма мое вліяніе — я отвѣтилъ, что мнѣ самому трудно это рѣшить. На вопросъ же: „черезъ какія вліянія я самъ прошелъ“—отвѣтить легче; но и тутъ субъективная оцѣнка не можетъ быть безусловно вѣрна, даже если писатель и совершенно спокойно и строго оносится къ своему авторскому „я“.

О моей писательской манерѣ, о томъ, что французы стали называть: „l'écriture artiste“, начали говорить, въ рецензіяхъ, только въ восьмидесятые годы, находя, что я сталъ будто бы подражать французскимъ натуралистамъ, особенно Золя.

Испытаніе самому себѣ я произвелъ тогда же, и для этого взялъ, какъ разъ, „Въ путь-дорогу“ (это было къ 1884 году, когда я просматривалъ романъ для „Собранія“ Вольфа), и могъ уже вполне объективно судить, что за манера была у меня въ моемъ самомъ первомъ повѣствовательномъ произведеніи.

Роману тогда минуло уже ровно двадцать лѣтъ, такъ какъ онъ писался и печатался въ 1861—1864 годахъ.

И что же?

Съ первыхъ строкъ первой главы я имѣлъ передъ собою свой языкъ, съ своимъ ритмомъ, выборомъ словъ и манерой описаній, діалоговъ, характеристикъ.

Ни Золя, ни его сверстниками тутъ и не „пахло“. Я ихъ, по появленію въ литературѣ, былъ старше на много лѣтъ, и когда Золя и Додэ (и даже братья Гонкуръ) стали извѣстны у насъ, „Въ путь-дорогу“ давно уже печатался.

Но все это относится къ тѣмъ годамъ, когда я былъ уже двадцать лѣтъ романистомъ. А рѣчь идетъ у насъ, въ настоящую минуту, о томъ: подъ какимъ вліяніемъ началъ я писать, если не какъ драматургъ, то какъ романистъ въ 1861 году?

Гимназистомъ и студентомъ я не мало читалъ беллетристики; но никогда не пристращался къ какому-нибудь одному писателю, а такъ какъ я, до 22-хъ лѣтъ, не мечталъ самъ пойти по писательской дорогѣ, то никогда и не изучалъ ни одного романиста, какъ свой образецъ. Студентомъ (особенно въ Дерптѣ, до 1857 года), я вообще мало читалъ беллетристики—я былъ слишкомъ увлеченъ точной наукой. Моя тогдашняя начитанность, по изящной литературѣ, была по другимъ отдѣламъ ея: Шиллеръ, Гёте (Фаустъ), Гейне и Шекспиръ. Романы, главнымъ образомъ, французскіе—читалъ я всегда у отца въ усадьбѣ, на лѣтнихъ вакаціяхъ. Но никто изъ французскихъ романистовъ, даже и Бальзакъ, и Жоржъ-Зандъ—не дѣлался „владельцемъ моихъ думъ“, никто изъ нихъ не доставлялъ мнѣ такого духовнаго удовлетворенія и такъ не волновалъ меня, какъ, съ половины 50-хъ годовъ, наши беллетристы, а раньше, въ года отрочества и первой юности: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Грибоѣдовъ, Кольцовъ и, позднѣе, Островскій.

Конечно, въ томъ кризисѣ, который произошелъ во мнѣ, въ Дерптѣ—наша беллетристика дала самый сильный импульсъ. Но это все-таки не то, что прямое вліяніе одного какого-нибудь писателя—своего, или иностраннаго.

Даже англійскіе романисты, какъ Диккенсъ и Тэккерей, которыми у насъ зачитывались (начиная съ 40-хъ годовъ), не оставили на мнѣ налета, когда я сдѣлался романистомъ, ни по замысламъ,

ни по тону, ни по манерѣ. Это легко прослѣдить и фактически доказать.

Думаю, что Тургеневъ за цѣлое десятилѣтіе 1852—1862 г. былъ моимъ писателемъ болѣе Гончарова, Григоровича (онъ мнѣ одно время правился), Достоевскаго и Писемскаго, который всегда меня сильно интересовалъ. Но, опять-таки, тургеневскій складъ повѣствованія, его тонъ и приемы—не изучались мною „нарочито“, съ опредѣленнымъ намѣреніемъ: достичь того же, болѣе или менѣе.

Я еще не мечталъ о повѣствовательной беллетристикѣ даже и тогда, когда очутился опять въ Петербургѣ, по возвращеніи изъ деревни. Это случилось какъ бы неожиданно для меня самаго.

Но вліяніе можетъ быть и скрытое, Тургеневъ незадолго до смерти, писалъ (кажется Ц. И. Вейнбергу), что онъ никогда не любилъ Бальзака и почти совсѣмъ не читалъ его. А вѣдь это не помѣшало ему быть реальнымъ писателемъ, дѣйствовать въ области того романа, которому Бальзакъ, еще съ 30-хъ годовъ, далъ такое развитіе.

Можетъ быть въ романѣ „Въ путь-дорогу“ найдутся нѣкоторыя ноты въ тургеневскомъ духѣ, и нѣкоторыя „тирады“ я въ 1884 году уничтожилъ, но вся эта вещь имѣетъ свой пошибъ.

Еще менѣе отлиняли на меня и тогда и позднѣе—манера, тонъ и языкъ Гончарова или Достоевскаго. Автора „Мертваго дома“ я сталъ читать, какъ слѣдуетъ, только въ Петербургѣ, и могу откровенно сказать, что весь пошибъ его писательства меня не только не захватывалъ, но и не давалъ мнѣ никакого чисто-эстетическаго удовольствія.

Моя писательская дорога сложилась такъ, что я, съ первыхъ же шаговъ, и впослѣдствіи, непрерывно и неизмѣнно, стоялъ одинъ, безъ всякихъ руководителей, безъ какого-либо литературнаго патрона, безъ дружескихъ или кружковыхъ вліяній, ни въ идейномъ, ни въ чисто-художественномъ смыслѣ.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, мои обѣ пьесы были уже приняты и напечатаны. Писемскій никогда не руководилъ мною, не давалъ мнѣ никакихъ совѣтовъ и указаній. Я не попалъ ни въ какой тѣсный кружокъ сверстниковъ, гдѣ бы кто-нибудь сдѣлался моимъ не то, что уже совѣтникомъ, а даже слушателемъ и читателемъ моихъ рукописей.

Не могу сказать, чтобы меня не замѣчали и не давали мнѣ ходу. Но заниматься мною особенно было некому, и у меня въ характерѣ нашлось слишкомъ много, если не гордости или чрезмѣрнаго самолюбія, то просто чувства мѣры и такта, чтобы являться какъ бы „клиентомъ“ какой-нибудь знаменитости, добиваться ея

покровительства, или читать ей свои вещи, чтобы получать отъ нея выгодные для себя совѣты и замѣчанія.

Да если бы я и хотѣлъ этого (а такого желанія у меня рѣшительно не было), то мнѣ и некогда было бы, въ такой короткій срокъ (отъ января до октября 1861 г.), при тогдашней моей бойкой и разнообразной жизни,—устроить себѣ такой патронажъ.

Можетъ показаться даже мало вѣроятнымъ, что я, написавъ нѣсколько главъ первой части, повезъ ихъ къ редактору „Библиотеки“, предлагая ему романъ къ январьской книжкѣ 1862 г. и не скрывая того, что въ первый годъ могутъ быть готовы только двѣ части. Тогда редакторы были куда покладливѣе и принимали большія вещи по одной части. Такъ я печаталъ въ 1871—73 г.г. и „Дѣльцы“ у Некрасова. Но съ конца 1873 г. я въ „Вѣстникѣ Европы“ прошелъ, въ теченіе 30-ти лѣтъ, другую школу, и ни одна моя вещь не попадала въ редакцію иначе, какъ цѣликомъ, просмотрѣнная и приготовленная къ печати, хотя бы въ ней было до 35-ти листовъ, какъ напр. въ романѣ „Василій Теркинъ“.

Замыселъ романа „Въ путь-дорогу“ явился какъ бы непроизвольнымъ желаніемъ молодого писателя: произвести себѣ „самоиспытаніе“, передъ тѣмъ, какъ всецѣло отдать себя своему „призванію“.

За два слишкомъ года, какъ я писалъ романъ, онъ давалъ мнѣ поводъ и возможность: оцѣнить всю свою житейскую и учебную выучку; видѣть куда я самъ шелъ, и непроизвольно, и вполне сознательно. И, вмѣстѣ съ этимъ, передо мною самимъ развертывалась картина русской культурной жизни, съ эпохи „никалаевщины“ до новой эры.

То, что я взялъ героемъ молодого человѣка, рожденнаго и воспитаннаго въ дворянской семьѣ, но прошедшаго всѣ ступени ученья въ общедоступныхъ заведеніяхъ, въ гимназіи и въ двухъ университетахъ, было, по-моему, чрезвычайно выгодно. Для культурной Россіи того десятилѣтія—это было центральное теченіе.

Въ нашей беллетристикѣ, до конца XIX вѣка—романъ „Въ путь-дорогу“, по своей программѣ, бытоописательному и интеллигентному содержанію, оставался единственнымъ. Появились въ разное время вещи изъ жизни нашей молодежи, но все это отрывочно, эпизодично.

Но такихъ „Lehrjahre“ не появлялось. Только Гаринъ (Михайловскій) напечаталъ романъ „Студенты“; но въ немъ дѣйствуютъ воспитанники инженернаго института, а не университетскіе студенты. Исторіи же гимназиста и картины двухъ университетовъ—не имѣется и до сихъ поръ.

Въ какой степени „Въ путь-дорогу“ автобіографическій романъ? Когда я вспоминалъ свое отрочество и юность, вплоть до вступленія на писательское поприще—я уже оговаривался на этотъ счетъ.

Весь быть въ губернскомъ городѣ, гдѣ родился, воспитывался и учился Телепневъ, а потомъ въ Казани и Дерптѣ—все это взято изъ дѣйствительности. Лица—на двѣ трети—также;—начальство и учителя гимназій, профессора и товарищи—почти цѣликомъ.

Но Телепнева нельзя отождествлять съ авторомъ. У меня не было его романической исторіи, въ гимназій, ни романа съ казанской барыней, и только дерптская влюбленность въ молодую дѣвушку дана жизнью. Все остальное—создано моимъ воображеніемъ, не говоря уже о томъ, что я, студентомъ, не былъ богатымъ человекомъ, а жилъ на весьма скромное содержаніе, и съ 1856 года сталъ уже зарабатывать научными переводами.

Умственная и этическая эволюція Телепнева похожа и на мою но не совпадаетъ съ нею. Въ немъ послѣдній кризисъ, по окончаніи курса въ Дерптѣ, потянулъ его къ земской работѣ, а во мнѣ началась борьба между научной дорогой и писательствомъ, уже за два года до отъѣзда изъ Дерпта.

Какъ я сказалъ выше, редакторъ „Библіотеки“ взялъ романъ по нѣсколькимъ главамъ, и онъ началъ печататься съ января 1862 г. Первые двѣ части тянулись весь этотъ годъ. Я писалъ его по кускамъ въ нѣсколько главъ, всю зиму и весну, до отъѣзда въ Нижній и въ деревню; продолжалъ работу и у себя на хуторѣ, продолжалъ ее опять и въ Петербургѣ и довелъ до конца вторую часть. Но къ январю 1863 г. у меня еще не было почти ничего готово изъ третьей книги—какъ я называлъ тогда, части моего романа.

Конечно, такая работа, позднѣе, меня самого бы не удовлетворяла. Такъ дѣлалось по молодости и увѣренности въ своихъ силахъ. Не было достаточнаго спокойствія и постояннаго досуга, при той бойкой жизни, какую я велъ въ городѣ. Въ деревнѣ я писалъ съ бѣльшимъ „проникновеніемъ“, что, вѣроятно, и отражалось на нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ нужно было творческое настроеніе.

Объ „успѣхѣхъ“ первыхъ двухъ частей романа я какъ-то мало заботился. Если и появлялись замѣтки въ газетахъ, то врядъ-ли особенно благоприятныя. „Однодворецъ“ нашелъ въ печати лучшей приѣмъ, а также и „Ребенокъ“. Писемскій, повидимому, оставался доволенъ романомъ, а изъ писателей постарше меня помню разговоръ съ Алексѣемъ Потѣхинымъ, когда мы возвращались съ нимъ откуда-то вмѣстѣ. Онъ искренно поздравлялъ меня; но сдѣлалъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ“, уже къ слѣдующему 1863 году, появилась очень талантливо написанная рецензія, гдѣ самаго Телепнева охарактеризовали, какъ „чувствительнаго эгоиста“, но къ автору отнеслись съ большимъ сочувствіемъ и полнымъ признаніемъ.

Эта рецензія появилась подъ какимъ-то псевдонимомъ. Я узналъ отъ одного пріятеля сыновей Краевского (тогда еще издателя „Отечественныхъ Записокъ“), что за псевдонимомъ этимъ скрывается Н. Д. Хвощинская (Крестовскій-псевдонимъ). Я написалъ ей письмо, и у насъ завязалась переписка, еще до личнаго знакомства въ Петербургѣ, когда я уже сдѣлался редакторомъ-издателемъ „Библіотеки“, и она стала моей сотрудницей.

Я не принадлежалъ тогда къ какому-нибудь большому кружку, и мнѣ не легко было бы видѣть, какъ молодежь принимаетъ мой романъ. Только впоследствии, на протяженіи всей моей писательской дороги, вплоть до вчерашняго дня, я много разъ убѣждался въ томъ, что „Въ путь-дорогу“ дѣлалась любимой книгой учащейся молодежи. Знакомясь съ кѣмъ-нибудь изъ интеллигенціи, лѣтъ пятнадцать-двадцать назадъ, я зналъ впередъ, что она прошла черезъ „Въ путь-дорогу“, и кажется, до сихъ поръ, есть читатели, считающіе даже этотъ романъ моей лучшей вещью.

Я былъ удивленъ (не дальше какъ въ 1907 году, въ Москвѣ), когда одинъ изъ нынѣшнихъ беллетристовъ, самой новой формациі, пріѣхавшій ставить свою пьесу изъ еврейскаго быта, пришелъ ко мнѣ въ номеръ „Лоскутной“ гостиницы и сталъ мнѣ изливаться:— какъ онъ любилъ мой романъ, когда учился въ гимназіи.

Теперь „Въ путь-дорогу“ въ продажѣ не найдешь. Экземпляры Вольфовскаго изданія или проданы, или сгорѣли въ складахъ. Первое отдѣльное изданіе изъ „Библіотеки“ въ 1864 году давно разошлось. Многие мои пріятель и знакомые упрекали меня за то, что я не забочусь о новомъ изданіи... Меня смущаетъ то, что романъ такъ великъ: изъ всѣхъ моихъ вещей—самый обширный; въ немъ до 64-хъ печатныхъ листовъ.

Онъ былъ еще до 70-хъ годовъ изданъ по-нѣмецки въ Германіи, въ извлеченіи, но я никогда не держалъ въ рукахъ этого перевода; знаю только, что онъ былъ сдѣланъ петербуржцемъ, который долженъ былъ удалиться за границу.

Четыре остальные книги писались въ 1863 и 64 годахъ—уже среди редакціонныхъ и издательскихъ хлопотъ и мытарствъ, о чемъ я расскажу въ слѣдующей главѣ.

Могло, однако, случиться такъ, что я не только не завязъ бы въ самую гущу журнальнаго дѣла, но, быть можетъ, на долго бы

промѣнялъ жизнь петербургскаго литератора на жизнь въ провинціи.

Часть лѣта 1862 года я провелъ въ имѣніи. Крестьяне мои уперлись на счетъ большого надѣла, и возня съ ними взяла много времени. Мой товарищъ З—чъ оставался у меня на хуторѣ съ приказчикомъ. Мнѣ за вычетомъ крестьянскаго надѣла приходилась слишкомъ тысяча десятинъ земли — въ томъ числѣ лѣсъ — заказникъ; все это чистое отъ банковскаго долга. Хозяйничать было бы можно, если бъ во мнѣ билась „хозяйственная жилка“. А пока имѣніе приносило кое-какой доходъ, который шелъ „между пальцевъ“, и жилъ я почти исключительно на свой писательскій заработокъ.

Въ деревнѣ я отдохнулъ отъ Петербурга, тамъ хорошо писалось, но не тянуло: устроиваться тамъ самому, дѣлаться „земскимъ“ человекомъ, какъ захотѣлъ мой Телепневъ, когда уѣзжалъ изъ Дерпта.

Я испыталъ на себѣ ту особенную „тягу“, которую писательство производитъ на нѣкоторыя интеллектуально-эмоціональныя натуры, къ которымъ и я себя причисляю.

„Народника“, въ тогдашнемъ смыслѣ, во мнѣ не сидѣло; а служба посредникомъ или кѣмъ-нибудь по выборамъ также меня не прельщала. Моихъ сосѣдей я нашель все такими же. Ихъ жизнь я не прочь былъ наблюдать, но слиться съ ними въ общихъ интересахъ, вкусахъ и настроеніяхъ не могъ.

Наслѣдство мое становилось мнѣ скорѣе въ тягость. И тогда, т. е. во всю вторую половину 1862 г., я еще не рассчитывалъ на доходъ съ имѣнія или отъ продажи земли съ лѣсомъ для какого-нибудь литературнаго дѣла. Мысль о томъ, чтобы купить „Библиотеку“, не приходила мнѣ серьезно; хотя Писемскій, задумавшій уже переходить въ Москву, въ „Русскій Вѣстникъ“, приговаривалъ не разъ:

— Что бы вамъ, Боборыкинъ, не взять журнала!? Вы въ немъ — видный сотрудникъ, у васъ есть и состояніе, вы молоды, холосты... Право!..

Но тогда я еще на это не поддавался.

Зимой, въ 1863 году, поѣхалъ я на свиданіе съ моей матерью, и пожилъ при ней нѣкоторое время. Въ Нижнемъ жила и моя сестра съ мужемъ. Я вошелъ въ тогдашнее нижегородское общество. И тамъ театральное любительство уже процвѣтало. Меня стали просить ставить „Однoдворца“ и играть въ немъ. Я согласился и не только сыгралъ роль помѣщика, но и выступилъ въ роли графа, въ одноактной комедіи Тургенева „Провинціалка“.

Жизнь съ матушкой вызвала во мнѣ желаніе поселиться около

нея, и я сталъ—тогда же—мечтать устроиться въ Нижнемъ, гдѣ было бы такъ хорошо писать, гдѣ я былъ бы ближе къ землѣ, если не навсегда, то на продолжительный срокъ.

Мое желаніе я высказывалъ матушкѣ нѣсколько разъ, но она, хоть и была имъ тронута,—боялась за меня, за то, какъ бы провинція не „затянула меня“ и не отвлекла отъ того, что я имѣлъ уже право считать своимъ „призваніемъ“.

Я уѣхалъ въ Москву и въ Петербургъ, по журнальнымъ и театральнымъ дѣламъ; но съ опредѣленнымъ намѣреніемъ вернуться еще той же зимой.

Было это—сколько помню—въ концѣ января 1863 г., а черезъ мѣсяць я сдѣлался уже собственникомъ „Библіотеки для чтенія“.

Какъ могло это случиться?

Меня стали уговаривать Писемскій и нѣкоторые сотрудники, а издатель усиленно предлагалъ мнѣ журналъ на самыхъ необременительныхъ—какъ онъ увѣрялъ—условіяхъ.

Литературная жилка задрожала. Мнѣ и раньше хотѣлось какого-нибудь болѣе прочнаго положенія. Службу я—принципіально—устранялъ изъ своей карьеры. Журналъ представился мнѣ самымъ подходящимъ дѣломъ. По выкупу я долженъ былъ получить вскорѣ нѣкоторую сумму и,—въ случаѣ надобности—могъ хоть и за плохую цѣну, освободиться отъ своей земли.

Былъ и еще—тоже не новый уже для меня,—мотивъ: моя влюбленность и мечта о женитьбѣ на дѣвушкѣ, отецъ которой вѣроятно желалъ бы видѣть своего будущаго зятя чѣмъ-нибудь болѣе солиднымъ, чѣмъ простымъ журнальнымъ сотрудникомъ.

Такъ я и сдѣлался, довольно таки экспромтомъ, 26-ти лѣтъ отъ роду, издателемъ-редакторомъ толстаго и стараго журнала.

П. Боборыкинъ.

